

DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-2-46-57

УДК 94(47).084:35.075.31
ББК 63.3(2)6-3

П.С. УЧВАТОВ

**СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
(на примере правительства Мордовской АССР в 1934–1991 годы)**

Ключевые слова: автономная республика, Мордовская АССР, советская система власти, исполнительные и распорядительные органы, советско-партийная элита, Совет Народных Комиссаров, Совет Министров.

В статье на примере высшего органа государственного управления отдельно взятой автономной республики рассматривается развитие региональной элиты в советскую историческую эпоху. Выделено несколько этапов в трансформации номенклатуры, находившейся у власти в Мордовии с 1930-х гг. по 1991 г.:

1) начало 1930-х гг. – середина 1937 г. Национальная элита, сформировавшаяся в годы становления мордовской государственности, состояла, во-первых, из сторонников автономии, активно действовавших в 1920-е гг.; во-вторых, из людей, пришедших в систему власти в результате проведения политики коренизации аппарата. Они занимали ведущие позиции до массовых политических репрессий 1937–1938 гг.;

2) конец 1930-х – первая половина 1950-х гг. Произошло выдвижение представителей так называемой сталинской номенклатуры. Коренизация была свернута, и численность мордвы в советских органах власти снизилась; большинство в Совнаркоме Мордовской АССР составили относительно молодые управленцы 30–40 лет. Несмотря на частую смену кадров, уже во второй половине 1940-х гг. появилась тенденция относительной стабилизации состава правительства;

3) середина 1950-х – конец 1960-х гг. В Совете Министров сформировался костяк из опытных руководителей, работавших на своих должностях достаточно длительное время. Большое влияние на правительство имел его председатель И.П. Астайкин, занимавший эту должность более 15 лет;

4) 1970-е – конец 1980-х гг. После смены партийного руководства республики к власти пришли представители нового поколения. Однако обновление кадров впоследствии сменилось «застойными» явлениями: длительным нахождением у власти отдельных управленцев, постепенным старением состава Совета Министров, ростом общего числа руководителей;

5) конец 1980-х гг. – 1991 г. В результате инициатив союзного центра, а также достижения многими региональными руководителями предельного возраста произошло некоторое обновление состава Совета Министров. Но старая партийная и хозяйственная номенклатура продолжала сохранять в республике позиции до самого конца советской системы.

Характеристика представителей высшего слоя советского общества, к которому относились партийные, государственные и хозяйственные руководители, вызывает закономерный интерес у современных исследователей. Изучение таких вопросов, как утверждение правящей советской элиты, принципы осуществления кадровой политики и выдвижения новых руководителей, влияние их личностных качеств на процессы управления, причины транс-

формации состава правящего слоя, в особенности на региональном уровне, продолжает сохранять свою актуальность. Это подтверждает в том числе ряд работ на данную тематику, опубликованный за последние годы [1, 3, 4, 7, 8, 14, 15, 34].

В данной статье на примере Совнаркома/Совета Министров Мордовской АССР (далее – МАССР) рассматривается ряд характеристик высокопоставленных советских служащих, а также смена поколений региональной номенклатуры, происходившая несколько раз за выбранный период 1934–1991 гг. При этом условно можно выделить несколько этапов, в ходе которых осуществлялась трансформация состава Правительства автономной республики и последовательно сменялись поколения советско-партийных и хозяйственных руководителей.

1-й этап (начало 1930-х – середина 1937 г.) Первое поколение мордовской региональной элиты сформировалось в 1920-е – начале 1930-х гг., когда происходило становление мордовской национальной государственности. Последний этап этого процесса завершился в декабре 1934 г. образованием МАССР на территории Мордовской автономной области. На состоявшемся в это же время заседании 1-й сессии ЦИК МАССР был сформирован первый состав СНК автономной республики [31. Л. 1–2]. Многие из включенных в него лиц, в том числе председатель А.Я. Козиков, ранее уже занимали различные должности в системе Мордовского областного исполкома и Мордовского обкома ВКП(б) и имели довольно прочное положение в региональной власти.

В соответствии с широко распространенной в то время практикой, когда руководителей перебрасывали из одного региона в другой, часть состава СНК МАССР подвергалась постоянной ротации. Вместе с тем в Мордовии установился относительно устойчивый «костяк» региональной бюрократии. Кроме уже упомянутого А.Я. Козикова к этой группе управленцев относились, например, нарком просвещения Н.Н. Вождаев, нарком местной промышленности, а позже председатель Госплана И.В. Кожаев, уполномоченный НКВД В.М. Ванд, нарком здравоохранения Д.К. Рыскин, нарком социального обеспечения М.А. Манёров, начальник Управления по делам искусств П.В. Галаев и др. Высокопоставленные советские служащие могли менять должности и сферы своей деятельности, однако, несмотря на это, продолжали оставаться в региональной властной «обойме».

Значительную часть представителей этого поколения составляли выходцы из мордовского народа – по состоянию на 1935 г. среди руководителей наркоматов МАССР мордва составила 75% [35. С. 519]. Некоторые из них начали активно действовать еще в 1920-е гг. в качестве сторонников мордовской автономии (но, как правило, тогда они находились не на первых ролях), большинство же выдвинулось в результате политики коренизации управленческого аппарата, активно проводившейся в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. В результате широко развернутой кампании при выдвижении кандидатур на руководящие должности учитывалась в первую очередь национальность, в то время как иные факторы, включая теоретическую подготовку или наличие опыта работы, отходили на второй план. Не удивительно, что это приводило к кадровому голоду: быстро найти достаточное количество грамотных специалистов из мордвы, традиционно занимавшейся земледелием, было нелегко.

Для высокопоставленных советских служащих этого периода были характерны низкое качество образования (зачастую оно могло ограничиваться обучением в сельской школе и последующим прослушиванием кратких курсов для партийных работников) и крестьянское происхождение. Отличительной чертой был и их относительно молодой возраст. Так, по состоянию на начало 1935 г. в Совнаркоме не было ни одного руководителя старше 50 лет [5. С. 190, 191, 511; 16. Л. 26; 19. Д. 19. Л. 277–281, Д. 18. Л. 29–42, 79–87; 20. Д. 15. Л. 5–10; 24. Д. 2. Л. 1–12; Д. 803. Л. 1–8; 27. Л. 8–9об.]. Большинство членов СНК относились к поколению конца 1890-х гг., происходили из бедных крестьян и имели довольно схожую биографию. В молодости они работали в хозяйстве отца либо батраками у помещиков, затем были призваны в армию и участвовали в Первой мировой войне. Они с готовностью подхватили простые и понятные для них идеи, выдвинутые большевиками, и после установления советской власти стали профессиональными управленцами. Отсутствие нормального образования, а также потрясения начала XX в., на которые пришлось время формирования их личностных качеств, не могли не сказываться на выработанном стиле работы – по-военному жестком, авторитарном, не признающим компромиссов, зачастую основанном не на знаниях, а на энергичности и личном авторитете. Оторванность от привычной сельской среды, общий низкий уровень культуры приводили к быстрому вырождению региональной бюрократии и распространению среди нее таких явлений, как использование своего положения в корыстных целях, кумовство и создание корпоративных групп с круговой порукой [15. С. 40–41]. Например, в МАССР одна из основных номенклатурных групп ориентировалась на «местных вождей» из мордвы, среди которых ведущее положение занимали А.Я. Козиков, председатель ЦИК МАССР Н.Г. Сурдин и секретарь Мордовского обкома партии Г.Я. Уморин [36. С. 41–42].

Первое поколение региональной элиты за некоторыми исключениями сошло с исторической сцены после массовых политических репрессий 1937–1938 гг.

2-й этап (конец 1930-х – первая половина 1950-х гг.). В результате чисток среди старых элит произошло выдвижение представителей так называемой сталинской номенклатуры. Однако из-за частой ротации кадров уместно будет говорить скорее о ее формировании в регионе, которое продолжалось в указанный период.

Коренизация была свернута, и удельный вес мордвы в органах власти с 1938 г. снизился: большинство в составе СНК теперь составляли русские. При этом общее качество управленцев поначалу в целом упало – если у предыдущих членов Совнаркома МАССР имелся практический опыт управленческой деятельности, то теперь на руководящие должности приходили люди, порой не обладавшие ни достаточным опытом, ни образованием. Так, в СНК, сформированном в июне 1938 г., 7 управленцев имели образование, ограничивающееся сельскими или церковноприходскими школами, причем в их числе находился и председатель СНК В.В. Верендякин [5. С. 193, 389, 419, 472, 549; 6. С. 222, 306; 18. Л. 1–13; 19. Д. 176. Л. 5–13; Д. 649. Л. 1–16; Д. 654. Л. 1–12; 20. Л. 1–11; 21. Д. 266. Л. 1–5, 54–56; Д. 367. Л. 1–9; 22. Л. 2–7; 24. Л. 1–15; 28. Л. 2–5; 33. Л. 2–10].

В целом состав СНК в предвоенные годы еще больше «помолодел», его основу (12 человек) составили руководители 30–40 лет, и лишь 1 человек –

заместитель председателя СНК И.Н. Куприянов – был старше 50 [5. С. 472]. Накануне войны, по состоянию на май 1941 г., 10 членам Правительства не исполнилось 40 лет, причем двум из них, заместителю председателя СНК И.М. Кшнякину и наркому просвещения Н.Н. Молину не было и 30 лет [5. С. 193, 389, 419, 460, 472, 476, 501, 559; 6. С. 222, 276, 414, 450; 19. Д. 10. Л. 110–118; Д. 176. Л. 5–13; 21. Д. 266. Л. 1–5, 54–56; Д. 614. Л. 3–18; 23. Д. 322. Л. 1–11; Д. 328. Л. 45–48].

О невысоком качестве работы многих советских бюрократов свидетельствуют частые их замены, проводившиеся в том числе по негативным причинам. Начавшаяся Великая Отечественная война еще более усугубила проблему постоянных ротаций. Например, с 1938 по 1945 гг. в Мордовии сменилось 4 наркома здравоохранения, одной из самых проблемных сфер автономной республики. А из всего СНК 1938 г. уже к маю 1941 г. сохранили должности лишь 6 руководителей, т.е. одна третья часть. 8 человек из состава Правительства 1938 г. проработали лишь около 1 года.

К середине 1940-х гг. ситуация, казалось, начала постепенно улучшаться, и по сравнению с предшествующими годами состав центрального органа государственного управления МАССР стал медленно стабилизироваться. Однако пока случаи замены руководителей все еще оставались частыми, причем порой они сопровождались вскрытием незаконного использования бюрократами своего служебного положения с последующей жесткой критикой. Одним из громких случаев стало увольнение в 1949 г. министра коммунального хозяйства, который за срыв работы ведомства и различные злоупотребления был исключен из партии [17. Л. 245]. Значительное изменение персонального состава властной элиты Мордовии произошло на рубеже 1940-х – 1950-х гг., когда сменилось руководство и обкома ВКП(б), и Совета Министров. Как следствие, в это же время случилось много отставок и назначений среди министров и иных республиканских руководителей – в течение одного года, с лета 1949 по лето 1950 гг., были назначены новый заместитель председателя Правительства, министры юстиции, местной промышленности, коммунального хозяйства, торговли, здравоохранения, просвещения, председатель Госплана и начальник Управления автомобильного транспорта автономной республики. Когда в 1951 г. был сформирован новый Совет Министров [10. С. 141–142], из прежнего правительства 1947 г., включавшего 22 человек [9. С. 41–42], действующими руководителями остались только 6.

Вместе с тем в конце 1940-х – начале 1950-х гг. отчетливо проявляется тенденция роста образовательного уровня советских управленцев. Высшее образование, бывшее редкостью в предыдущие годы, постепенно становится нормой для кандидатов, претендующих на руководящие должности. Так, из 23 человек, входивших в состав Совета Министров 1951 г., 16 обладали дипломами об окончании вузов, а 1 (заместитель председателя Правительства Г.Я. Меркушкин) имел ученую степень кандидата наук [5. С. 155, 246, 294, 352, 399–400, 402, 403, 410, 412, 429, 440, 473, 507; 6. С. 62, 68, 370, 404, 506, 523; 23. Д. 504. Л. 10–16; 32. Л. 1–7]. Впоследствии эта тенденция продолжала усиливаться.

3-й этап (середина 1950-х – конец 1960-х гг.). В данный период в Мордовии происходит стабилизация ее управленческого корпуса. Отчасти это было связано с общим изменением кадровой политики, проводимой в стране, отчасти – с региональными особенностями. Правительство, равно как и иные

органы власти автономной республики, испытывало значительное влияние личности председателя Совета Министров И.П. Астайкина, занимавшего эту должность рекордно длительный срок – с июля 1954 г. до февраля 1971 г. [29. Д. 43. Л. 1]. Как впоследствии писал о нем партийный работник А.Н. Поршаков, «он в глазах населения... выглядел хозяином республики, даже в какой-то мере ее олицетворял» [2].

При И.П. Астайкине в Совете Министров сформировалась основа из опытных руководителей, работающих достаточно длительное время, к которым относились заместители председателя правительства М.Ф. Чернов и И.Ф. Соловьёв, председатель Госплана С.Г. Есин, министр торговли И.И. Косенков, министр внутренних дел А.И. Князькин, начальник Управления строительства и ремонта автомобильных дорог А.Г. Мудров и др. Почти все заметные управленцы, много лет входившие в состав Совета Министров, были обязаны своими должностями И.П. Астайкину и считали себя его людьми.

Если в середине 1950-х гг. Совет Министров оставался относительно молодым (число руководителей младше 40 лет было довольно значительным), то в последующее десятилетие уже заметным становится рост числа более «возрастных» министров и начальников управлений, что стало естественным следствием стабилизации состава правительства. Пока еще рано говорить о старении властной элиты, однако в Совете Министров 1967 г., состоявшим из 26 человек, 15 управленцев относились к группе 50–59 лет [5. С. 150, 179–180, 213, 285, 302, 314, 350, 352, 397, 400, 403, 406, 434, 473, 483; 6. С. 62, 72, 167, 197, 482, 499, 505, 506; 25. Д. 594. Л. 3–8; 26. Д. 37. Л. 2–9; 29. Д. 43. Л. 1, 50, 51, 66–75]. Впервые в составе правительства МАССР появились и опытные руководители старше 60 (министр финансов А.И. Вождаев, начальник управления снабжения и сбыта В.Ф. Черёмухин). В то же время лишь один руководитель – министр коммунального хозяйства С.И. Иванов – был младше 40 лет. Главным образом на высоких постах в это время находились люди, родившиеся в 1910-е гг., начавшие действовать и сложившиеся в профессиональном плане при сталинской системе власти. По социальному происхождению правящая элита по-прежнему оставалась преимущественно крестьянской, и в этом плане по сравнению с 1940-ми гг. мало что изменилось. Однако заметным стало общее повышение образовательного уровня советской бюрократии: теперь с высшим образованием было подавляющее большинство членов Совета Министров. Время, когда руководящие должности могли занимать чистые практики, уходило в прошлое. Так, в правительстве, сформированном в 1959 г. и состоявшем из 20 человек, лишь 1 руководитель не имел высшего образования, остальные же 19 обладали дипломами об окончании вузов [5. С. 203, 294, 295, 314, 402, 406, 412, 484, 549; 6. С. 62, 167, 315, 373, 338, 497, 503, 506, 523; 25. Л. 3–8; 29. Д. 43. Л. 1, 50, 51, 66–75]. При этом для более успешного продвижения по карьерной лестнице многие управленцы стремились получить также дополнительную партийно-идеологическую подготовку – например, в том же Совете Министров 1959 г. 6 человек окончили партийные вузы, уже имея базовое высшее образование [5. С. 294, 402, 549; 6. С. 315, 506; 29. Д. 43. Л. 1, 50, 51, 66–75].

Интересно также отметить, что в середине 1950-х гг. в Совете Министров увеличивается численность выходцев из мордовской нации, и это положение сохраняется вплоть до конца периода «оттепели». Мордва составила боль-

шинство в высшем исполнительном и распорядительном органе автономной республики, утвержденном в 1959 г. – 11 из 20 человек [5. С. 203, 294, 295, 314, 402, 406, 412, 484, 549; 6. С. 62, 167, 315, 373, 338, 497, 503, 506, 523; 25. Л. 3–8; 29. Д. 43. Л. 1, 50, 51, 66–75] и в 1963 г. – 9 из 17 человек [5. С. 179, 180, 213, 285, 302, 314, 350, 352, 397, 406, 434; 6. С. 62, 167, 499, 503; 25. Л. 3–8; 29. Д. 43. Л. 1, 50, 51, 66–75]. Однако в последующие десятилетия, несмотря на то, что национальный фактор всегда продолжал играть существенную роль при выработке кадровых решений в автономной республике, русские занимали в Совете Министров более половины мест.

Это поколение региональной бюрократии, сформировавшееся в послевоенные годы и находившееся на ведущих позициях в 1950-е и 1960-е гг., было оттеснено от власти на рубеже 1960-х – 1970-х гг. в результате осуществленной масштабной ротации в руководстве МАССР.

4-й этап (1970-е – конец 1980-х гг.). Смена партийного руководства автономной республики привела к выдвижению на руководящие должности как в Мордовском обкоме КПСС, так и в Совете Министров представителей следующего поколения. Новый первый секретарь обкома партии П.М. Елистратов, приехавший в республику в 1968 г., в течение нескольких лет сместил с должностей И.П. Астайкина и его окружение, часть из которых получила новые, менее значимые посты, другая же часть была отправлена на пенсию. П.М. Елистратов стремился опираться на молодое поколение региональной элиты, представителей которых он искал среди районных руководителей. Так, при нем выдвинулись В.В. Володин, А.И. Силютин, А.И. Юрчёнков, занявшие ключевые должности в Совете Министров. Пост председателя Совета Министров в 1971 г. получил молодой партийный руководитель А. И. Березин, вскоре ставший первым секретарем Мордовского обкома КПСС.

Таким образом, Совет Министров, образованный в июле 1971 г., существенно обновился [11. С. 100–101]. Он включал 5 управленцев в возрасте от 30 до 40 лет, причем самый молодой из них, В. И. Борисов, занял должность начальника Управления по делам строительства и архитектуры в 1968 г., когда ему было всего 28 лет [5. С. 177–178]. Наиболее распространенным возрастом руководителей в 1970-е гг. был средний, от 40 до 60 лет [5. С. 98, 179, 180, 209, 218, 285, 314, 396, 397, 400, 462, 478, 482, 485, 515; 6. С. 72, 167, 197, 325, 478, 482, 499, 512, 523, 524, 552, 554, 564; 26. Д. 108. Л. 1–6; 29. Д. 9. Л. 1–7].

При этом, несмотря на то, что большинство руководителей по социальному происхождению по-прежнему являлись крестьянами, именно в начале 1970-х гг. произошел резкий скачок числа выходцев из служащих. Так, Совет Министров, образованный в 1971 г. [11. С. 100–101], включал 12 таких управленцев, в 1980 г. – 14 [12. С. 107–108]. Численность происходивших из семей служащих в Совете Министров колебалась в пределах 30–40% от общего состава, что было много по сравнению с предшествующими десятилетиями.

Однако обновление кадров впоследствии сменилось «застойными» явлениями: длительным нахождением у власти отдельных высокопоставленных руководителей, постепенным старением состава Совета Министров, ростом общего числа его членов. По времени нахождения на одних и тех же должностях в правительстве «лидировали» министр просвещения В.В. Кирдяшкин (работал в 1960–1988 гг.) [5. С. 397], министр бытового обслуживания Н.И. Ховряков (1966–1986 гг.) [6. С. 482], министр финансов Н.И. Лаврентьев

(1971–1990 г.) [5. С. 478], министр юстиции М.Д. Фомичёв (1974–1990 г.) [6. С. 471]. О высокой стабильности высшего слоя советского чиновничества ярко свидетельствует, например, тот факт, что в Совете Министров, сформированном в 1980 г. [12. С. 107–108], 19 руководителей (57,5%) занимали должности на протяжении 10 и более лет подряд. С одной стороны, постоянство кадров означало появление значительного числа опытных, хорошо знающих свои отрасли управленцев, однако в середине 1980-х гг. в республике появилась проблема старения кадров. Безусловно, о формировании геронтократии на региональном уровне говорить не приходится, и тем не менее к 1985 г. в Совете Министров лишь 2 человека (занимавшие второстепенные должности) были моложе 40 лет, при этом 25 относились к группе старше 50 лет, из которых 8 преодолели 60-летний порог и достигли пенсионного возраста [5. С. 123, 143, 145, 155, 179, 180, 205, 289, 317, 382, 397, 400, 432, 464, 478, 485, 533; 6. С. 60, 67, 83, 96, 188, 218, 270, 385, 443, 471, 482, 486, 487, 512, 523].

5-й этап (конец 1980-х гг. – 1991 г.). Кадровые замены в эти годы были связаны, во-первых, с проводившимися реорганизациями системы органов государственного управления, в результате которых упразднились многие ведомства, и численность членов правительства сокращалась. Во-вторых, были вынуждены уходить на пенсию заслуженные руководители – знаковые фигуры эпохи. Как правило, им позволяли находиться на должностях еще несколько лет после достижения 60-летнего возраста. Например, к моменту отставки председателю Госкомитета по телевидению и радиовещанию (1973 – 1986), а ранее министру культуры (1962–1973) В.П. Бочкарёву исполнилось 62 [5. С. 179–180], министру бытового обслуживания Н.И. Ховрякову – 63 [6. С. 482], председателю КГБ В.Н. Ашутову – 62 года [5. С. 143]. При этом уход достигших предельного возраста руководителей старались смягчить, порой предоставляя им новую, не требующую большой ответственности работу (преподавательская, научная и т.д.).

Руководство автономной республики в лице бюро обкома КПСС и первого секретаря обкома А.И. Березина пыталось сдерживать обновление кадров на верхних этажах партийной и советской системы. Однако в результате инициатив союзного центра, а также достижения многими управленцами пенсионного возраста в конце 1980-х гг. в составе Совета Министров произошла некоторая ротация. После осуществленных перестановок сформированное в 1990 г. правительство оказалось существенно обновленным; в него вошли многие управленцы, недавно выдвинувшиеся на уровень министров и председателей государственных комитетов [13. С. 184–186]. Более половины его состава (15 человек) относились к возрастной группе от 50 до 59 лет, но при этом лишь 1 руководитель (управляющий делами Совета Министров Ю.В. Попков) достиг 60 лет [5. С. 145, 150, 191, 201, 205, 243, 262, 289, 392, 395, 400, 407, 422; 6. С. 60, 83, 84, 188, 385, 389, 443, 509, 520; 30. Л. 1–8].

Тем не менее, несмотря на формальные ротации в правительстве, старая партийная и хозяйственная номенклатура продолжала сохранять позиции в республике до самого конца советской системы. Кадровые перестановки могли приводить к замене отдельных лиц в системе, однако не затрагивали ее существенных характеристик. Масштабной модернизации региональной элиты в Мордовии в конце 1980-х гг. не произошло, и можно говорить лишь о некоторой тенденции, или начальном этапе обновления в эти годы.

Итак, на примере высшего исполнительного и распорядительного органа власти МАССР видно, что сложившаяся верхушка регионального управленческого корпуса в целом была достаточно сплоченной, изменялась под влиянием внешних обстоятельств медленно и скорее вынужденно – в особенности это стало заметно во второй половине 1980-х гг. Если в 1930-е – 1940-е гг. проводилась кадровая политика, основанная на постоянных ротациях руководителей, то впоследствии отношение к высшему слою советской бюрократии стало более осторожным, и состав Совета Министров автономной республики стабилизировался. Старые руководители, испытывая давление со стороны следующего поколения, чаще всего уступали весьма неохотно, а их влияние во власти еще могло сохраняться какое-то время. Несмотря на регулярно проходившую смену поколений региональной элиты, между ними всегда сохранялась определенная преемственность; каждое из поколений управленцев имело свои особенности, отмеченные выше, но в то же время было тесно связано с предшествующим.

Литература

1. *Акульшин П.В.* Руководители Рязанского края советской эпохи // Россия в XX веке. Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 145–152.
2. *Алексеев П.* Главный этаж // Мордовия. 1991. 20 дек.
3. *Гузаров В.Н.* Партийные и советские руководители Томской губернии (1920–1923 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2012. № 6. С. 234–239.
4. *Калинина О.Н.* Партийные и советские руководители Западной Сибири (1946–1964 гг.): опыт исторического анализа. Новосибирск: Параллель, 2013. 435 с.
5. Мордовия: энцикл.: в 2 т. / редкол.: А.И. Сухарев, В.А. Юрчёнков, П.П. Кузнецов и др. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2003. Т. 1. 540 с.
6. Мордовия: энцикл.: в 2 т. / редкол.: А.И. Сухарев, В.А. Юрчёнков, П.П. Кузнецов и др. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2004. Т. 2. 550 с.
7. *Муравьёва И.В.* Верховный Совет Чувашии (1938–1994 гг.): формирование, состав, основные направления деятельности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 184 с.
8. *Пахомов А.В.* Социальный облик политической элиты Башкирской АССР в 1964–1991 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 1(162). С. 32–35.
9. Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва. 7 марта 1947 г.: стеногр. отчет. Саранск: Издание Верховного Совета Морд. АССР, 1947. 48 с.
10. Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР третьего созыва. 20 апреля 1951 г.: стеногр. отчет. Саранск: Издание Верховного Совета Морд. АССР, 1951. 144 с.
11. Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР восьмого созыва. 2 июля 1971 г.: стеногр. отчет. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1971. 112 с.
12. Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва. 21 марта 1980 г.: стеногр. отчет. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. 180 с.
13. Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР двенадцатого созыва. 10 апреля 1990 г.: стеногр. отчет. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1990. 224 с.
14. Политическая система Мордовской АССР: специфика взаимоотношений власти и общества // Мордовия в послевоенный период. 1945–1953 гг.: в 2 т. / В.А. Юрчёнков и др.; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. Т. 1. С. 127–298.
15. *Хлевнюк О.В.* Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.

16. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 269-П. Оп. 1. Д. 173.
17. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 5. Д. 224.
18. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 10. Д. 115.
19. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 16.
20. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 17.
21. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 18.
22. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 19. Д. 304.
23. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 21.
24. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 22. Д. 1120.
25. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 25. Д. 594.
26. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 26.
27. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 28. Д. 260.
28. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 29. Д. 481.
29. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51.
30. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 60. Д. 142.
31. ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 1.
32. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 14. Д. 375.
33. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 5. Д. 15.
34. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2014. 240 с.
35. Юрчёнков В.А. Начертание мордовской истории / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 612 с.
36. Юрчёнков В. А. «Большой террор» в Мордовии: попытка переосмысления // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4. С. 37–54.

УЧВАТОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник-заведующий отделом региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, Саранск (uchvatov.pavel@yandex.ru; [ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9993-7415](https://orcid.org/0000-0001-9993-7415)).

Pavel S. UCHVATOV

THE CHANGE OF GENERATIONS IN THE SOVIET REGIONAL ELITE
(on the example of the Mordovian ASSR government in 1934–1991)

Key words: *autonomous republic, the Mordovian ASSR, Soviet system of power, executive and administrative bodies, Soviet-party elite, the Council of People's Commissars, the Council of Ministers.*

The article examines the development of the regional elite in the Soviet historical era using the example of the supreme state administration authority of a one particular autonomous republic. Several transformation stages in the elite of functionaries that was in power in Mordovia from the 1930s to 1991:

1) early 1930s – mid-1937 The national elite, formed during the Mordovian statehood formation, consisted, first, of autonomy supporters who were active in the 1920s; secondly, of people who came to the system of power as a result of Soviet "localization policy" applied to the control organs. They held leading positions until mass political repressions of 1937–1938.;

2) the end of the 1930s – the first half of the 1950s. There was an advancement of representatives of the so-called Stalinist control organs. Soviet "localization policy" was curtailed, and the number of the Moravians in the Soviet authorities

decreased; the majority in the Council of People's Commissars of the Mordovian ASSR was relatively young managers aged 30–40 years. Despite a frequent change of personnel, already in the second half of the 1940s there was a tendency of relative stabilization in the government composition;

3) mid-1950s – late 1960s. A core of experienced leaders who were working in their positions for quite a long time formed in the Council of Ministers. Its chairman I.P. Astaykin, who held this position for more than 15 years, had a great influence on the government;

4) the 1970s – late 1980s. After the change in the Republican party leadership, representatives of a new generation came to power. However, renewal of personnel was subsequently replaced by "stagnant" phenomena: a long stay in power of individual managers, gradual aging of the Council of Ministers members, the growth of the total number of managers;

5) late 1980s – 1991 As a result of the union center's initiatives, as well as attainment of the maximum age by many regional leaders, there was some renewal in the composition of the Council of Ministers. But the old party and economic nomenclature continued to maintain its position in the republic until the very end of the Soviet system.

References

1. Akulshin P.V. *Rukovoditeli Ryazanskogo kraja sovetsoi epokhi* [Leaders of the Ryazan region of the Soviet era]. *Rossiya v XX veke. Problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii* [Russia in the XX century. Problems of political, economic and social history], St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008, pp. 145–152.
2. Alekseev P. *Glavnyi etazh* [The main floor]. *Mordoviya*, 1991, Dec. 20.
3. Guzarov V.N. *Partiinye i sovetskie rukovoditeli Tomskoi gubernii (1920–1923)* [Party and Soviet leaders of the Tomsk Province (1920–1923)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2012, no. 6, pp. 234–239.
4. Kalinina O.N. *Partiinye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoi Sibiri (1946–1964 gg.): opyt istoricheskogo analiza* [Party and Soviet leaders of Western Siberia region (1946–1964): Historical analysis experience]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2013, 435 p.
5. Sukharev A.I., Yurchenkov V.A., Kuznetsov P.P. et al. *Mordoviya: entsikl.: v 2 t.* [Mordovia: Encyclopedia. 2 vols.]. Saransk, Mordovian Publ. House, 2003, vol. 1, 540 p.
6. Sukharev A.I., Yurchenkov V.A., Kuznetsov P.P. et al. *Mordoviya: entsikl.: v 2 t.* [Mordovia: Encyclopedia: in 2 volumes]. Saransk, Mordovian Publ. House, 2004, vol. 2, 550 p.
7. Muravyova I.V. *Verkhovnyi Sovet Chuvashii (1938–1994 gg.): formirovanie, sostav, osnovnye napravleniya deyatelnosti* [The Supreme Council of Chuvashia (1938–1994): formation, composition, main activities]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2018, 184 p.
8. Pakhomov A.V. *Sotsial'nyi oblik politicheskoi elity Bashkirskoi ASSR v 1964–1991 gg.* [Social profile of Political elite of the Bashkir ASSR, 1964–1991]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 1(162), pp. 32–35.
9. *Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Mordovskoi ASSR pervogo sozyva. 7 marta 1947 g.: stenogr. otchet* [The First session of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR of the Second convening. March 7, 1947: the verbatim record]. Saransk, 1947, 70 p.
10. *Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Mordovskoi ASSR tret'ego sozyva. 20 aprelya 1951 g.: stenogr. otchet* [The First session of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR of the Third convening. April 20, 1951: the verbatim record]. Saransk, 1951, 144 p.
11. *Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Mordovskoi ASSR vos'mogo sozyva. 2 iyulya 1971 g.: stenogr. otchet* [The First session of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR of the Eighth convening. July 2, 1971: the verbatim record]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1971, 112 p.
12. *Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Mordovskoi ASSR desyatogo sozyva. 21 marta 1980 g.: stenogr. otchet* [The First session of the Supreme Soviet of the Mordovian

ASSR of the Tenth convening. March 21, 1980: the verbatim record]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1980, 180 p.

13. *Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Mordovskoi ASSR dvenadtsatogo sozyva. 10 aprelya 1990 g.: stenogr. otchet* [The First session of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR of the Twelfth convening. April 10, 1990: the verbatim record]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1990, 224 p.

14. *Politicheskaya sistema Mordovskoi ASSR: spetsifika vzaimootnoshenii vlasti i obshchestva* [Political System of the Mordovian ASSR: the Specificity of Relationship between Authorities and Society]. *Mordoviya v poslevoennyi period. 1945–1953 gg.: v 2 t.* [Mordovia in the Postwar period. 1945–1953: 2 vols.]. Saransk, 2012, vol. 1, pp. 127–298.

15. Khlevnyuk O.V. *Nomenklaturная revolyutsiya: regional'nye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg.* [Nomenklatura Revolution. Regional party leaders in the USSR, 1936–1939]. *Rossiiskaya istoriya*, 2016, no. 5, pp. 36–52.

16. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 1. D. 173* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 1. Document 173].

17. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 5. D. 224* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 5. Document 224].

18. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 10. D. 115* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 10. Document 115].

19. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 16* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 16].

20. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 17* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 17].

21. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 18* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 18].

22. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 19. D. 304* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 19. Document 304].

23. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 21* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 21].

24. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 22. D. 1120* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 22. Document 1120].

25. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 25. D. 594* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 25. Document 594].

26. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 26* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 26].

27. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 28. D. 260* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 28. Document 260].

28. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 29. D. 481* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 29. Document 481].

29. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 51* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 51].

30. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. 269-P. Op. 60. D. 142* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives 269-P. Anagraph 60. Document 142].

31. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. R-175. Op. 1. D. 1* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives R-175. Anagraph 1. Document 1].

32. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. R-228. Op. 14. D. 375* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives R-228. Anagraph 14. Document 375].

33. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Mordoviya. F. R-234. Op. 5. D. 15* [The Central State Archive of the Republic of Mordovia. Archives R-234. Anagraph 5. Document 15].

34. Kabytov P.S., ed. *Elity Samarskoi (Kuibyshevskoi) oblasti v 1960–1990-e gody. Ocherki istorii* [The Essays about history of Elites of the Samara (Kuibyshev) region in 1960–1990]. Samara, Samara University Publ., 2014, 240 p.

35. Yurchenkov V.A. *Nachertanie mordovskoi istorii* [Outline of Mordovian history]. Saransk, 2012, 612 p.

36. Yurchenkov V.A. «*Bol'shoi terror*» v Mordovii: *popytka pereosmysleniya* [«Great Terror» in Mordovia: an Attempt to Rethink]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2017, no. 4, pp. 37–54.

PAVEL S. UCHVATOV – Candidate of Historical Sciences, Principal Researcher – Head of Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Russia, Saransk (uchvatov.pavel@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>).

Формат цитирования: Учватов П.С. Смена поколений советской региональной элиты (на примере правительства Мордовской АССР в 1934–1991 годы) // Исторический поиск. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 46–57. DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-2-46-57.